

При обсуждении итогов работы секций выявилось полное совпадение мнений всех участников сессии по поводу необходимости дальнейшей разработки и уточнения понятийного аппарата этнографической науки. Практически все секции в своих рекомендациях предусматривали проведение специальных совещаний, посвященных обсуждению многих важных категорий этнографии и ее терминологии, в особенности — понятий и терминов, предлагавшихся в последние полтора десятилетия.

Касаясь этого вопроса в своем заключительном слове, Ю. В. Бромлей указал, что такое обсуждение в принципе было бы весьма полезным. Однако для его проведения потребуется определенная подготовка; в частности, было бы целесообразно всякий раз очень четко ограничивать те области этнографической науки, понятийный аппарат и терминологию которых предполагается рассмотреть. Только так, по-видимому, можно будет получить достаточно эффективные результаты.

Ю. В. Бромлей отметил, что сессия способствовала значительному обогащению нашей этнографии фактами и выводами из их анализа. И одновременно она стала яркой демонстрацией того, что советская наука — плод коллективного творчества всех народов Союза. Об этом убедительно свидетельствовало исключительно широкое представительство на ее заседаниях ученых из всех географических регионов страны, из подавляющего большинства ее республик. Результаты дискуссий в секциях позволяют более точно представить себе, какие именно отрасли этнографических исследований требуют усиленного внимания в ближайшей перспективе, особенно учитывая участие этнографов в научно-исследовательской программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

От имени всех участников юбилейной сессии Ю. В. Бромлей выразил глубокую благодарность Кабардино-Балкарскому обкому КПСС, Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР и кабардино-балкарским коллегам за превосходную организационную подготовку сессии, за те внимание, теплоту и гостеприимство, с какими были встречены в Нальчике ученые из других республик и городов Советского Союза.

Директор Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики Х. И. Хутуев в заключительном слове выразил уверенность в том, что результаты работы сессии будут способствовать дальнейшим успехам многонациональной советской науки.

Л. Е. Куббель

ЧЕБОКСАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В Москве, в Институте этнографии АН СССР, 19—20 января 1983 г. состоялись чтения, посвященные памяти выдающегося этнографа и антрополога Николая Николаевича Чебоксарова, организованные Отделом этнографии народов Зарубежной Азии, Австралии и Океании. В них приняли участие около 80 чел., представлявших московскую и ленинградскую части Института этнографии, московское и ленинградское отделения Института востоковедения АН СССР, Институт Дальнего Востока АН СССР, Институт биологии развития АН СССР, Кафедру этнографии МГУ, Институт стран Азии и Африки при МГУ, Калмыцкий НИИ истории, филологии, экономики и Вологодский краеведческий музей.

Во вступительном слове зав. Отделом народов Зарубежной Азии, Австралии и Океании М. В. Крюков отметил необычайно широкий круг разработанных Н. Н. Чебоксаровым проблем: теоретические проблемы расоведения, проблемы этнической антропологии, теории этноса, хозяйственно-культурной множественности и единства человечества, концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, типологии материальной культуры. Однако главное место в научных исследованиях Н. Н. Чебоксарова занимали вопросы этногенеза и этнической истории. 6 мая 1982 г., сказал далее М. В. Крюков, исполнилось 75 лет со дня рождения Н. Н. Чебоксарова — создателя и руководителя Отдела народов Зарубежной Азии, Австралии и Океании. В память о нем и его исследованиях проводятся сегодняшние чтения. Среди докладчиков — его ученики и те, кто работал с ним долгие годы. Все доклады связаны с кругом проблем, которые разрабатывались Н. Н. Чебоксаровым.

Г. А. Аксенова (Москва) в своем выступлении охарактеризовала вклад Н. Н. Чебоксарова в антропологию и отметила, что антропологические исследования Института этнографии во Вьетнаме явились прямым продолжением его работ. Ею был представлен также совместный с И. М. Золотаревой и А. А. Зубовым (Москва) доклад «Антропологические исследования во Вьетнаме», в котором обобщен материал по соматологии и одонтологии нескольких этнотерриториальных групп населения этой страны, собранный во время совместных советско-вьетнамских этнографо-антропологических экспедиций 1976—1978 гг. Были обследованы несколько выборок тхай, вьетов на севере страны, группа тюрю и чамы — на юге Вьетнама. Анализ собранных данных выявил разнообразие комплексов антропологических признаков у населения Вьетнама, отражающих контакты между монголоидной и веддоавстралоидной расовыми общностями. Авторы сделали интересные выводы о направлениях расогенетических связей. Так, антропологический тип вьетов тяготеет к комплексам более северных территорий, некоторые антропологические черты тхай (прежде всего одонтологические) находят аналогии в веддоидном населении северо-востока Индии, тюрю — в населении

островного мира Индонезии. Морфологические данные, по мнению докладчиков, позволяют говорить об участии веддоидного, а не собственно австралоидного компонента в составе антропологического типа населения указанной контактной зоны. Этот вывод представляется весьма существенным.

В докладе «Дифференциация большой монголоидной расы по данным тотальных размеров черепной коробки» А. П. Пестряков (Москва) ввел три новых параметра, полученных из основных размеров черепной коробки (длина, ширина, высота): 1) условное трансверзальное сечение черепа, 2) условный объем черепной коробки, 3) относительная высота свода. Средние значения этих параметров, рассчитанные для 250 черепных серий современного населения, принадлежащих к различным расам и этнотерриториальным группам, были сведены автором в 10 крупных регионально-расовых объединений. Наиболее интересные отличия по этим параметрам выявились между континентальными и тихоокеанскими монголоидами: континентальные монголоиды максимално платикранны (низкочерепные), а тихоокеанские намного более гипсикранны (высокочерепные). Таким образом, континентальные монголоиды неожиданно оказались по этим параметрам намного ближе к европеоидам, чем к тихоокеанским монголоидам. Как среди тихоокеанских, так и среди континентальных монголоидов можно выделить гипо- и гиперморфные группы. А эскимосы и айны занимают промежуточное положение между тихоокеанскими и континентальными монголоидами, как это и следует из традиционного краниологического и расово-морфологического анализа. По мнению А. П. Пестрякова, полученные материалы дают основание считать предложенные параметры ценными для изучения расовой дифференциации человечества и могут служить антропологическими маркерами при исследовании этногенетических процессов.

Ю. Д. Беневоленская (Ленинград) в докладе «Дифференциация рас на территории Азии» показала, что лобный компонент сагиттальной дуги черепа, выраженный лобно-сагиттальным индексом (ЛСИ), дает дифференциацию внутри монголоидного расового ствола, совпадающую с классификацией рас, предложенной Н. Н. Чебоксаровым. Специфическая значимость вариаций этого признака по сравнению с другими краниологическими признаками заключается в очень четкой выраженности расодифференцирующих свойств. Относительная стабильность, консервативность лобного компонента и его слабая взаимосвязь с другими признаками черепа обуславливают гетероморфность такого рода, которая отражает гетерогенность монголоидов, причем гетерогенность древнего периода их формирования. В связи с этим представляет интерес близость по ЛСИ тибетской и арктической рас и вместе с тем их промежуточное положение между континентальными и тихоокеанскими монголоидами. Этот факт можно рассматривать как близость древних истоков обеих рас.

Г. Л. Хитъ и Н. А. Долинова (Москва) в докладе «Таксономическое положение южноазиатских монголоидов в мировой дерматоглифической систематике» показали, что по комплексу важнейших признаков кожного покрова монголоиды Южной и Восточной Азии ближе всего к народам Северной и Центральной Азии. Меньшая степень сходства связывает их с аборигенами Австралии и Меланезии и с американскими индейцами. Интересен, по мнению авторов, тот факт, что «австралоидные» черты слабее выражены у южных монголоидов по сравнению с североазиатскими монголоидами. В докладе высказана точка зрения, что основные расовые ветви человечества (негроидная, европеоидная, монголоидная, американоидная и австралоидная) представляют собой самостоятельно сформировавшиеся подразделения. С некоторыми оговорками авторы объединяют монголоидов с индейцами и народами Австралии и Океании в одну группу, соответствующую так называемому восточному стволу, выделяемому по другим системам признаков.

В центре доклада С. Кучеры (Москва) стояли две важные проблемы: возможная исходная точка появления синантропа и пути распространения синантропа. Автор выдвинул гипотезу о важной роли Юньнани в процессе возникновения человека вообще, и синантропа в частности, и рассмотрел три теоретические возможности: 1) юаньмоуский человек появился здесь в «готовом» виде извне; 2) возник на месте на базе локальных антропоидов; 3) в Юньнани появились его отдаленные предки, а сам юаньмоуский человек сформировался уже на месте. Автор гипотетически реконструирует путь продвижения синантропов от Юньнани до Хэбэя, не исключая и иных путей появления северных синантропов, например через Центральную или Северную Азию.

М. В. Крюков (Москва) выступил с докладом «Типология древнекитайского жилища Эпохи неолита и бронзы (в связи с проблемой этногенеза)». Изучение грамматического строя и лексики языка инь (XIV—XI вв. до н. э.), сказал докладчик, уже давно позволило специалистам выявить в нем два компонента, один из которых несомненно связан с сино-тибетскими языками, а другой имеет более южное происхождение. Представляется, что анализ археологического материала также дает основание для формулирования гипотезы о контактах в средней части Великой китайской равнины двух этнически разнородных популяций. Первая, непосредственно связанная с создателями культуры яншао (варианты баньпо, мяодигу), характеризуется, в частности, одноканальными наземными или углубленными жилищами. Вторая, ассоциируемая с культурой циньванчжай и генетически не связанная с первой, представлена многоканальными наземными жилищами. Эта вторая традиция прослеживается и в более поздних памятниках эпохи луншань и инь.

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) отметила, что в теоретическом наследии Н. Н. Чебоксарова значительное место уделено проблемам этнического самосознания, входящего в число наиболее значимых признаков этнической общности. В своем докладе «Формирование этнического самосознания древних корейцев» она использовала один из важнейших источников для исследования проблемы эволюции этнического самосо-

знания древних корейцев — надпись на стеле Квангэтхо-вана, датируемую 414 г. В этой надписи выражены идеи консолидации древних корейцев под эгидой государства Когурё, их родства и единства происхождения. Утверждая этногенетическую общность жителей Когурё, Пуё, Понче и Силла, автор надписи апеллирует к мифологии, их общей истории, одновременно противопоставляя древних корейцев их соседям. Надпись свидетельствует о том, что на рубеже IV—V вв. идея этнической консолидации древних корейцев играла доминирующую роль в политической и идеологической истории Трёх Государств.

В докладе Ю. Л. Благонравовой (Москва) «О реальности языкового контакта позднего древнекитайского и раннего среднекитайского языка с тайскими языками» была предпринята попытка объяснить явления конвергенции тайских языков и китайского языка с позиции теории языкового контакта. Докладчица пришла к выводу о существовании с III в. до н. э. по VI в. н. э. стихийного массового тайско-китайского билингвизма.

Доклад В. И. Гохмана (Ленинград) был посвящен проблеме реконструкции древнетайской системы терминов родства. Была предложена одна из возможных интерпретаций происхождения генерационного скоса у терминов первого и второго нисходящих поколений и гавайской терминологии в нулевом поколении на основании типологического сопоставления древнетайской системы с одной из систем народности ибо.

В своем докладе «Этногенез в Индокитае: пространственные и временные константы» Я. В. Чеснов подчеркнул необходимость рассматривать этногенез в связи с историей этнокультурных систем. Анализируя этногенез в пространственном и временном аспектах, докладчик попутно коснулся ряда факторов, способствовавших этноцентристскому направлению процесса в рассматриваемом регионе.

К. Ю. Мешков (Москва) в докладе «Основные этапы этнической истории Филиппин» выделил следующие проблемы: происхождение филиппинских негритосов, культуры железного века, испанский и американский периоды на Филиппинах, сплочение основных народов, и подчеркнул самостоятельность этнического развития архипелага.

А. А. Бернова (Москва) в докладе «Отражение этнической истории в традиционном театре Индонезии» показала, что в народной драматургии этого региона художественно отображены важнейшие вехи истории народа, а все изобразительные средства несут этническую нагрузку и могут служить дополнительным источником изучения этнической истории.

Доклад М. А. Членова (Москва) был посвящен обзору современного состояния знаний о папуасских языках Восточной Индонезии, подразделяющихся на две семьи: северохальмахерскую и тиморо-алорскую. Первая из них соотносится с западнопапуасской филлой, а вторая — с трансновогвинейской. Докладчик обратил внимание на индонезийский, а не папуасский тип культуры носителей этих языков.

С докладом «Проблема происхождения пуанов» выступил А. И. Кузнецов (Москва). Общеизвестно, сказал докладчик, что древнейшим населением островной Юго-Восточной Азии были веддо-австралоиды; появление же в Индонезии неолитических южномонголоидных протомалайцев относят к III тысячелетию до н. э., а появление так называемых дейтеро-малайцев — ко II тысячелетию до н. э. Дейтеро-малайцы принадлежат к таи-малайскому антропологическому типу, который отличается от протомалайского (индонезийского) гораздо большей выраженностью монголоидных черт. На о. Калимантан наиболее монголоидны, т. е. принадлежат к таи-малайскому типу, пришедшие на Калимантан в XV в. ибаны и охотники-собиратели пунаны. Охотники-собиратели других островов Индонезии, Филиппин и Малайзии являются веддоавстралоидами с большей или меньшей примесью монголоидных признаков. Приводимые исследователями факты о вытеснении пуанов в неблагоприятные для земледелия районы недостаточны для доказательства точки зрения об их вторичной дикости. Но будучи всегда охотниками-собирающими, пунаны не могли бы достичь Калимантана морским путем. Остается предположить, что предки пуанов пришли на Калимантан во время последнего оледенения по свободной в то время от моря Зондской платформе. Следовательно, заключил докладчик, не позднее примерно 11 тыс. лет тому назад, когда уровень моря был на 54 м ниже современного, с материка на Калимантан по суше прошла какая-то группа мезолитических монголоидов, относившихся уже тогда к таи-малайскому антропологическому типу. Видимо, правомерно предположение, что мезолитические монголоиды могли расселяться не только на Калимантане, но и на других островах Малайского архипелага.

В докладе «Современные этнические процессы у кочевников Аравии» И. А. Амирьянц (Москва) рассмотрела влияние кризиса кочевого хозяйства и перехода бедуинов к оседлости на современные этнические процессы. Социальные и экономические изменения общества бедуинов, процесс модернизации кочевого хозяйства, приведший к ломке их общественной структуры и идеологии, ускорили развитие этнических процессов у кочевников Аравии и всего арабского общества в целом.

Б. - Р. Логашова (Москва) в докладе «Родоплеменная структура как источник для изучения этнической истории туркмен» показала степень исследованности проблемы этногенеза туркменского народа и на примере родоплеменной структуры туркмен Ирана, Афганистана, Ирака и Турции выявила сложность и многоэтапность этнической истории туркмен.

Доклад А. Н. Седловской (Москва) был посвящен роли народов мунда в этнической истории крупнейшего штата Восточной Индии — Бихара. Приведя данные анализа лингвистических, антропологических и этнографических материалов, докладчица подчеркнула огромную роль мунда в истории формирования и дальнейшего исторического развития населяющих Бихар народов. Проблемы заселения Индии, сказала

А. Н. Седловская, формирования первых государственных объединений, возникновения джайнизма и буддизма, национально-освободительного движения и т. д. не могут быть решены без изучения этнической истории одних из древнейших насельников страны — народов мунда.

Н. Р. Гусева (Москва) говорила о происхождении раджпутов — крупной социально-экономической прослойки в Северной и Северо-Западной Индии. В докладе были приведены новые данные, подтверждавшие этногенетическую связь раджпутов с кшатриями, воинским сословием древнего индоарийского общества.

С. В. Жарникова (Вологда) в докладе «Фаллическая символика северорусской прялки и народной игрушки как реликт протославяно-индоиранской близости» сообщила, что на прялках Вологодской области на обращенной к пряхе стороне встречаются изображения мужских фигур с явно выраженными признаками пола или надписи, обозначающие в русской экспрессивной речи фаллос. Все это, очевидно, представляет собой персонификацию мужского начала, закодированного в системе символов прялки и в самом процессе прядения, соотношенным с актом творения, т. е. является сохранившимся практически до конца XIX — начала XX в. реликтом древнего фаллического культа, корни которого уходят в глубинные пласты протославяно-индоиранской близости. Эта близость прослеживается в отношении к процессу прядения и ткачества как к сакральному акту, что отмечено еще в «Ригведе», а также в обрядовой практике и терминологии родства славян и в соотносительности символики Рудры-Шивы (лингам-йони) и символики русской прялки — Род (фаллос) и пряха (женское начало). Об исключительно широкой распространенности фаллического культа плодородия среди восточных славян говорит и изображение явных признаков пола на северорусских игрушках-свистульках, которые играли значительную роль в обрядовых дохристианских действиях.

В докладе «Основные этапы этногенеза калмыков» Г. О. Авляев (Элиста) выделил два периода в этнической истории калмыков: джунгарский — с древнейших времен до конца XVI в., и российский или собственно калмыцкий — с начала XVII в. и до наших дней. В свою очередь джунгарский период автор подразделяет на этапы: домонгольский, монгольский, или «чингисовский», и средневековый; а калмыцкий период — на этап формирования калмыцкой народности (начало XVII — первая четверть XVIII в.) и этап последующего ее развития.

П. М. Кожин (Москва) в докладе «Значение материальной культуры для диагностики доисторических этнических группировок» обратил внимание на разрыв между возможностями трактовки этносов с точки зрения этнографов и их археологическими интерпретациями и указал на иное, чем в современных культурах, соотношение традиции и инновации в первобытнообщинных способах производства.

В докладе «Этногенез народов Азии в свете геофонетики» В. А. Никонов (Москва) рассмотрел географию фонетических частотностей в языках мира. У ительменов и нивхов согласные составляют две трети всей звуковой массы, а у полинезийцев — наоборот, только треть. В языках банту максимально часты губные согласные, минимум которых докладчик назвал азиатской депрессией губных. Число согласных глубокого образования, редких у русских, резко возрастает восточнее Урала: их доля у русских 6%, в тюркских языках около 12%, у чукчей 16%, эскимосов 24%, индейцев Америки 26—27% (в языках Калифорнии). Но частотность отдельных признаков не доказательна, по мнению докладчика, для изучения этногенеза: айны по частотности губных согласных совпадают с юкагирами и якутами, но резко отличны от них по огромной частотности гласных (больше половины всей звуковой массы). Докладчик решительно отверг биологическое объяснение фоностатистических различий вместо исторического и высказал ряд теоретических положений для привлечения фоностатистики к изучению этногенеза.

По большинству докладов проходили дискуссии, выявившие полезность непосредственного творческого общения этнографов, антропологов, лингвистов и археологов. В. А. Никонов отметил, что комплексный подход, и в частности применение метода фоностатистики, позволит приблизить нас к решению проблем происхождения полинезийцев, индейцев Америки и кетов. Полезность, продуктивность и перспективность комплексного подхода к изучению этногенеза подчеркивали все выступавшие.

Единодушным было мнение всех присутствовавших проводить «Чебоксаровские чтения» ежегодно, расширив тематику докладов.

А. И. Кузнецов

СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИЕ ЧТЕНИЯ 1981 ГОДА

С 1977 г. в группе Кавказа, Средней Азии и Казахстана¹ Ленинградской части Института этнографии АН СССР стало традицией ежегодно проводить региональную научную сессию. Ее постоянными участниками, кроме этнографов, являются специалисты смежных областей: археологи, антропологи, искусствоведы. Выбор темы для выступ-

¹ В январе 1982 г. группа преобразована в сектор Кавказа, Средней Азии и Казахстана.